

Валерий Тикулев

Путешествие в астрал

Сознание вне тела

Валерий Пикулев

**Путешествие в астрал.
Сознание вне тела**

«Издательские решения»

Пикулев В.

Путешествие в астрал. Сознание вне тела / В. Пикулев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907515-4

Готов ли ты, выведя своё сознание за пределы тела, отправиться в ошеломляющее путешествие в астрал? — В состоянии ли пройти по извилистым лабиринтам непознанного и не заблудиться в них? Сможешь ли противостоять соблазнам и, вдоволь насладившись картинами изменённого сознания, отыскать дорогу назад? — Готов? Тогда эта книга для тебя! Повесть лишь на первый взгляд отдаёт фантастикой. Однако в ней дано описание обычных в экстрасенсорике упражнений по выходу в астрал: путешествий сознания вне тела.

ISBN 978-5-44-907515-4

© Пикулев В.
© Издательские решения

Путешествие в астрал

Сознание вне тела

Валерий Пикулев

© Валерий Пикулев, 2018

ISBN 978-5-4490-7515-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Солнце клонилось к западу. Яркие, но уже не жгучие, как днём, лучи его освещали холмы Сан-Антонио, с которых он спустился час назад, и миллиардами весёлых зайчиков отражались в мутноватых водах беспокойной Треббии, как-бы с нетерпением бегущей к своему величавому По.

Кое-где, на холмах, весело поблёскивал окнами посёлок. Селение словно плескалось в купях апельсиновых, лимонных, фиговых деревьев... Косые длинные тени холмов со склонами, живописно усыпанными домишками с красно-черепичными кровлями, накрыли виноградники, окрасив их в тёмно-зелёный, почти чёрный цвет, и уже подбирались к масличной роще, что слева от дороги. Она же, еле угадываясь в кустарнике, сбегала с холмов, петляя вдоль правого берега реки. По этой просёлочной дороге, ведущей к Пьяченце, он и шагал уже час.

На колокольне собора в Сан-Антонио часы пробили пять раз. Отдалённые удары их колокола, приглушённые горячим, словно ватным, воздухом, долетели до него, заставив поторопиться. – Ведь, ещё затемно (а темнеет здесь быстро) надо успеть разыскать Викторину и воротиться к роднику близ посёлка, за рощей, – к холмам! И лишь оттуда можно было вернуться домой.

Подойдя к фиговому дереву у дороги, он ухватился за его ветвь с тёмно-зелёными жёсткими шероховатыми листьями. Скользнул по ней сомкнутой ладонью, ободрив пару листиков с ягодами и внимательно рассмотрел добычу. Листья, густо покрытые с тыльной стороны ворсинками, походили по форме на кленовые. Затем отделил от листков винную ягоду и осторожно попробовал на вкус. Приторно-сладкий сок её не унял жажды.

Перешёл на другую сторону дороги, уже покрытую тенью виноградника, отломил гроздь спелых, янтарём отливавших на солнце ягод, омыл их в ручье... и почти физически ощутил живительную влагу кислотовато-сладкого, терпкого сока.

Ещё через полкилометра дорога завела его в заросли маквиса. Она, заметно сузившись, как бы пробивалась теперь сквозь сплошную стену вечнозелёных кустарников дикой фисташки, мирта, земляничного дерева... – и путник с потрясающей достоверностью ощущал прикосновение их колючих стеблей и жёстких листьев к своему телу.

Заросли остались позади. Теперь его взору открылась удивительная своей красотой картина: в косых лучах вечернего солнца перед ним простиралась вся Паданская долина, вплоть до Эмилианской низменности!

Дорога, спускаясь ниже, сбегала к желтеющим полям пшеницы и кукурузы, с разбросанными кое-где рощицами пробкового дуба. А, далее виднелись пирамидальные тополя и пинии с распластанными кронами.

Эмилия-Романья... – благодатный, обласканный Богом край!

Совсем рядом, метрах в ста от дороги, раскинула шатёр своей тени апельсиновая роща, маня живительной прохладой. – И там, в этой роще, он увидел Викторину...

Всё началось с того памятного вечера, когда его приятелю, другу ребячьих игр и товарищу пылкой юности, брякнул полтинник.

Подумать только! Серёге, – и полста! А ведь, Серый моложе его на целых полтора года! Эх, есть в этом возрасте что-то... этакое! – роднящее нас, «пятидесятников», с планеристами-новичками! Нет, дело совсем не в том, что «дух наш молод» и что «с высоты свободного полёта открываются захватывающие дыхание...» – Чушь! Ничего не открывается! Но дыхание, тем не менее, захватывает неслабо: высоты-то... и нету, а уж и на посадку! Дотянуть бы! – Ну и начинаешь думать, а как же так получилось-то? Ведь, совсем же недавно – «всё ещё впереди», – а сейчас: на тебе, пятьдесят!

Выпили немного, как водится, потом гости разбились на кучки, по интересам. Две пары вышли «покачаться» под музыку... И в комнате, окутанной лёгкими разводами сизоватого дымка, постепенно воцарилась та особая атмосфера, которую психологи называют «эффект вечеринки». Это когда... – если скользнуть слегка затуманенным взором по лицам, не задерживая внимания, – слышится приглушённый монотонный гул; а если «тормознёшь» на каком-либо персонаже, тут же становишься невольным участником разговора (без права голоса, разумеется), отчётливо различая каждое слово.

Он, примостившись у журнального столика, потягивал потихоньку из хрустального бокала «каберне», наслаждаясь его удивительным кисловато-терпким букетом... и пристально глядел в себя.

«Каберне», марочный! И где его Серёга откопал только! В «наше» время, пожалуй, и не было ничего лучше этого «каберне», пусть и не марочного! Вино советской интеллигенции – «кабернетика»! Добавь полстакана этой жидкости в ведро болотной воды и пей без опаски: убьёт всю живность! Эх! В наше время! – он поймал себя на слове «наше». А сейчас, что – не наше?!

– Скучаем? – он прервал свои «наблюдения» и обернулся. Перед ним, слегка покачиваясь в такт приглушённой музыке (что впрочем, не делало её вульгарной), стояла довольно ещё молодая привлекательная женщина. Длинная сигарета небрежно зажата между большим и указательным пальцами. Левая рука теребит накиннутую на плечи шаль, имитируя, вероятно (как он отметил про себя), волнение и некую смущённость, – непременно атрибуты порядочной женщины.

Тёмно-русые, слегка выющиеся книзу волосы, почти римский профиль, – прямую линию носа слегка нарушала еле заметная аристократическая горбинка, – высокий лоб и большие карие выразительные глаза... Всё это, охваченное быстрым, оценивающим и довольно опытным взглядом, не могло не привлечь его внимания.

– ... Виктория! А, Вас? – и он тоже назвал себя, встав и пригласив её пройти к окну.

В это время к ним подошёл Сергей, виновник торжества, и как-то по-свойски и непринуждённо, даже буднично, произнёс, обняв их за плечи:

– Да вы, я вижу, и сами познакомились уже. А, то... А, то мне всё в голову не лезло, как же вас друг другу представить-то. – Викунчик! Ты, смотри, не обижай его: он мальчик скромный и очень... очень холостой, – добавил он, весело им подмигнув, – А я пока оставлю вас, это... на произвол судьбы, – и стал протискиваться между танцующими.

Он снова, и теперь уже вполне «легально», взгляделся в её лицо: сейчас его внимание привлекли чёлка, немного косовато закрывавшая часть высокого лба... чёрные брови и чуть насмешливый прищур глаз... Тонкие губы, ямочка на подбородке... – и всё это сказало ему, что с такой женщиной... на улице... – вряд ли! – а можно познакомиться лишь в кругу хороших друзей! Да и то, если подойдёт сама!

– Зачем Вы курите? – прямо и несколько бестактно спросил он Викторию. – Вам это не очень-то идёт, я бы сказал. Она тут же «вкрутила» сигарету в пепельницу, стоявшую на подоконнике, и как-то просто ответила:

– А я знаю... и курю только, вот, в такие моменты, не часто, – и улыбнулась, чуть приоткрыв ровные белые зубы.

Он пожалел о своей грубости.

Снова поправив шаль и одёрнув рукав длинного вечернего платья, – его тёмно-вишнёвый цвет как нельзя лучше гармонировал с её русыми волосами... с удивительным отливом карих глаз в приглушённом свете, – она сделала вид, как ему показалось, что заинтересована журналом, лежавшем на столике.

«Обиделась! Надо быть с нею повежливее.»

– Виктория, а в какой области бытия Вы прокладываете свой курс? Ну, хотя бы... – в материальной или духовной? – он придал лицу как можно более серьёзное выражение, стараясь вместе с тем, показать своё к ней расположение.

– Он проходит как раз по грани: я – доморощенный психоаналитик. И это мой хлеб насущный. – А Вы чем занимаетесь? – спросила она в свою очередь, ничуть не выказывая ни малейшей обиды.

– А я занимаюсь... – он чуть помедлил, стараясь придать весомости, – занимаюсь я схемотезисом, но, в отличие от Вас, не могу найти достойного применения своим методам, не то что деньги качать. Работаю в фирме...

– Я-то уже давно благополучно выбралась из «системы». Сажу дома, за компьютером. Ищу средневековые рецепты защиты от психовоздействий и пытаюсь в них разобраться. Латыню пришлось, вот, заняться: в университете испанский изучала.

«А она мила. И, похоже, не дура.»

– Ну что ж, с торсионными полями и я немного знаком: датчик строили для обнаружения таких вот, как Вы – экстрасенсов.

– И построили?

– Построили... – вздохнул он. – Но, работы пришлось закрыть. Официальная причина: отсутствие финансирования.

– А неофициальная? – спросила она, явно выражая интерес к теме, – Не представляю, как можно перестать этим заниматься лишь из-за отсутствия средств?!

– Да попросту команда наша распалась! Теперь встречаемся изредка, на улице, – приходим к выводу, что так и должно было случиться! – Бесовщина это! Не надо сюда лезть, да ещё с приборами! Вам тоже не советую.

– А какие хоть материалы Вы использовали для своего датчика? – спросила она, как бы пропустив мимо ушей его длинную тираду. – Ну, хотя бы из классического набора: янтарь, пчелиный воск, глицерин?

Он внимательно всмотрелся в её глаза. Видно было, что она не любитель-профан. – Виктория! Ну, уж если Вы серьёзно занимаетесь своими рецептами, то и занимайтесь ими. Но, запомните: нет сильнее защиты от этого... от этой дряни, чем искренняя молитва, чем Вера! Всё ж остальное, – технические приёмы, создающие иллюзию! Да, к тому же... за которую придётся платить. – А, кстати, Вы – верующая? Впрочем, извините, можете не отвечать.

– Да! Крещённая в Православии... – она словно пропустила его намёк на нескромный вопрос. Сказала просто, но твёрдо.

– Да я же не спрашивал Вас, крещены ли, – русские почти все крещены в Православии, однако «верующих» среди нас очень мало, – всё больше «верящие», – он сознательно акцентировал внимание на словах верующие и верящие. – Вот, мы с Вами, похоже, тоже всего лишь... «верящие».

– А, чем же они отличаются, по-Вашему, – верящие и верующие?

– Верящие, это мы с Вами: нам известно, что Вселенная не могла возникнуть не по плану, что есть её Создатель, и мы искренне в это верим. – Верим, ведь, доказать этого невозможно: Истина недоказуема! – Но, мы верим. И, более того, не просто верим, но и в храм ходим ино-

гда, свечи ставим перед иконами, прикладываемся к ним, особенно к тем, к чудотворным... И даже исповедуемся и причащаемся Великих Тайн... этак раз лет в десять. И нам так приятно бывает поболтать о Боге в кругу друзей... за рюмкой чаю! И... и всё! А верующие, – это те, кто общается с Богом каждый день, где б ни находился, – и получает от этого общения духовную поддержку, а иногда и прямую физическую помощь.

– Давайте, присядем вот на этот диванчик... Вы о таких вещах говорите... Почему, например, по-Вашему, Истина недоказуема?

– Да очень просто, – ответил он тут же, почти не задумавшись, – при доказательстве мы обязаны апеллировать к тем положениям и фактам, которые являются более истинными по отношению к доказуемому, вот и всё. А у Истины таких фактов нет. Просто, нет ничего истинней самой Истины!

Они замолчали. Надолго. Виктория глядела в окно, а он – в себя. «Зачем я об этом? Уж больно ей нужно!»

– ... А, что есть Истина? – прервала она молчание. – Знаю, извечный вопрос. Ещё Понтий Пилат... и, всё же?

– Вика... Виктория, – она улыбнулась: – Можете и так меня обзывать. Вам, пожалуй, разрешу. – Дело в том... – обнадёженный, он решил приступить к «делу», – штука в том, что мы не можем дать определений корневым понятиям... по той же причине. Мы представляем себе, ну, скажем... красивый цветок... – он передохнул, набираясь решимости, – знаем, что такое красивая женщина... – вот она, передо мной... – но, что есть сама красота?

Он украдкой взглянул на собеседницу. На лице её блуждала всё та же «улыбка Джонкнды». Лишь легкий румянец...

– А Вы умеете льстить женщинам.

– Я много чего умею. – Приободрённый, он, всё же, решил не сгущать атмосферу. – Глядите, – и, пододвинув к диванчику журнальный столик, достал записную книжку с авторучкой. – Вот, например, таблица умножения... – истина?

– Теперь уж не знаю, пожалуй, однако, продолжайте...

Он быстро написал в одну строчку:

$2 \times 2 = 4$; $2 \times 2 = 10$; $2 \times 2 = 11$ – что есть истина?

– Н-не знаю. Здесь явный подвох какой-то.

– Никакого подвоха! Все выражения справедливы! Первое – в системах счисления выше четверичной, второе – в четверичной, а третье – в троичной. Так где же истина здесь? А её здесь нет и быть не может: всего лишь «достоверные суждения», справедливые только в рамках заданных условий. Истина же – безусловна! Да, чуть не забыл, пока книжка открыта, – Ваш телефончик, пожалуйста!

Она расхохоталась, но продиктовала свой телефон, не помедлив ни секунды.

– Давайте, я теперь расскажу одну маленькую историю, и Вам будет понятнее чем занимаюсь, – дружелюбно предложила Вика, снова поправляя шаль.

Они уселись поудобнее, и он не мог не обратить внимания на её лицо, несколько затенённое теперь. Мелкие морщинки уже более не бросались в глаза, сокрытые тенью, и ему показалось, что она просто красива.

Виктория начала...

– Как-то, года четыре назад, – а я уже тогда кое-что могла, – обратился ко мне импресарио одного, не очень известного певца, который собирался выступить за границей, ну, на каком-то там конкурсе. А дело в том, что у него каждый год в один и тот же день, двадцать восьмого июля, совсем исчезал голос! Зная о такой особенности, он все свои выступления планировал с учётом вот этой самой «странности»

Тут Виктория улыбнулась и, положив ладонь на его руку, мягко попросила: – Не хихикайте, пожалуйста! Дослушайте до конца.

– А я и не хихикаю. Это у меня нервное, Всегда в один и тот же день происходит, в середине мая, – произнёс он сконфуженно. И они расхохотались.

– Я, с Вашего разрешения... – и она продолжила свою историю. – Так вот: пригласила я этого певца к себе домой и «сняла» его «карту». И, что же Вы думали?! – мой подопечный в своей прежней жизни был казнён! – как раз двадцать восьмого июля тысяча семьсот девяносто четвёртого года. – Гильотинирован! Вам эта дата ничего не говорит?

– Ну как же! Великая Французская революция! Термидорский переворот! Десятого термидора II года было казнено свыше сотни человек: Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон... и многие их сподвижники.

– Вот, именно! Ещё бы голосу после этого не пропадать! Сняла с него эту зависимость, поёт теперь.

– Что? И по чётным даже теперь поёт?

– А, ну Вас! – и Виктория картинно отвернулась от него.

– Хорошо, Вика. Ладно, я так... Один вопрос только: а с датами у Вас всё нормально состыковалось? Ну, там... новый стиль, и всё такое.

– А как же! Я всегда на это обращаю внимание, когда перехожу на современное летоисчисление: если бы в России происходило, то разница в тринадцать дней... – у меня был подобный случай, связанный с восемнадцатым веком...

Он в ответ лишь улыбнулся и сказал примирительно: – Что ж, не будем углубляться. Хотя, для восемнадцатого века, если дело в России происходило, – там одиннадцать, насколько мне известно.

Она слегка прикусила губу, чуть порозовев.

– А вот, не случалось ли Вам людей разыскивать... по просьбе их родственников? – решил он прервать неловкое молчание.

– Нет! Пока у меня получается определять лишь их состояние: ну, жив ли... – ответила она не слишком уверенно.

– И часто Вы это делали?

– ... Уже несколько раз.

– Но, ведь, это какой же большой грех Вы берёте на себя?! Сама-то осознаёте хоть?

– ... Но, я же людям помочь хочу, которые не знают, что и думать! Какой же тут грех?

И тогда ему пришлось посвятить Вику в глубины основных теорий психофизики:

– Дело в том, – начал он, – что измерение какого-либо энергетического параметра любого физического объекта сопровождается отбором от него, от этого объекта, некоторой части энергии. Этот закон неумолим: измеряем ли мы температуру в печке, разность потенциалов между узлами какой-то там электронной схемы, когда телевизор чиним... – в любом случае мы просто вынуждены отбирать энергию от исследуемого объекта.

Особенно это касается вопросов психофизики: ведь когда Вы пытаетесь определить, жив ли человек, которого ищут, Вы, Вичка... – и тут он взглянул ей прямо в глаза, сию секунду определить реакцию, – ... Вы ловите его энергию, отбираете у него! И если ощущаете её поток, то, значит, он ещё жив.

– А, представьте, он – потерявшийся! – на последних пределах психики! Ему для поддержания духа... – как нужна ему эта энергия! А, Вы её отбираете! – Для чего? Да родственников успокоить! Вот, в чём грех! А родственников-то как раз и нельзя успокаивать, да и не получится это! Им надо идти в церковь и усиленно молиться за него, отдавая свою энергию, – в надежде, что поможет! Ведь, не секрет, что после горячей молитвы мы чувствуем себя усталыми: энергию отдаём! Именно в этом основная идея Православия: не брать, а отдавать... в надежде, что будешь услышан! – И в этом великая сила!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.